

Сказка о коврѣ-самолетѣ.

I.

Жиль да былъ на землѣ царь Назаръ.

Царь Назаръ былъ храбрый и добрый, и его подданные очень любили его.

Онъ любилъ рѣшать всѣ дѣла по справедливости, былъ милостивъ и часто самъ помогалъ бѣднымъ людямъ.

Была у царя и жена по имени Василиса.

А отъ Василисы у царя родилось три сына.

Старшаго звали Петромъ, средняго Ѳедоромъ, а младшаго Иваномъ.

Иванъ былъ моложе на годъ Ѳедора, а Ѳедоръ былъ годомъ моложе Петра.

Очень любилъ царь Назаръ своихъ сыновей.

Не чаяла въ нихъ души и царица Василиса.

А три царевича росли себѣ да росли, окруженные дядьками и няньками.

Всѣ три царевича были красавцы изъ себя, но всѣхъ краше изъ нихъ былъ младшій царевичъ Иванъ.

Шли годы.

Подростали, подростали царевичи и превратились, наконецъ, въ трехъ стройныхъ, красивыхъ юношей.

Характеры у нихъ были разные.

Старшій царевичъ, Петръ, любилъ больше всего охоту, средній царевичъ любилъ больше верховую ѣзду и военныя упражненія, а Иванъ-царевичъ больше за книжками сидѣлъ и читалъ обо всемъ, что на свѣтѣ дѣлается.

Братья жили между собою въ мирѣ и согласіи, часто бесѣдовали другъ съ другомъ, часто другъ съ другомъ гуляли.

А родители смотрѣли на нихъ и радовались.

Но вотъ однажды царь Назаръ призвалъ ихъ всѣхъ трехъ къ себѣ и сказалъ имъ:

— Милые мои сыновья. Вы уже выросли и окрѣпли, пора вамъ и свѣтъ посмотреть, уму-разуму на просторѣ поучиться и себя людямъ показать. Будете вы послѣ моей смерти царствомъ управлять. А для того, чтобы лучше управлять, надо посмотреть, какъ въ другихъ царствахъ другіе цари правятъ, и лучшее отъ нихъ перенять.

— Что же, мы не прочь, батюшка, — отвѣтили царевици.

— Вотъ я и надумалъ васъ отправить путешествовать, — продолжалъ царь Назаръ. — Возьмите себѣ въ конюшнѣ по хорошему коню, одѣньте доспѣхи ратные, да и поѣзжайте. Попутешествуйте по свѣту бѣлому, поучитесь, да и домой возвращайтесь. А мнѣ что-нибудь въ подарочекъ изъ дальнѣйшихъ странъ привезите.

Поклонились отцу царевици и пошли въ путь собираться.

Горько заплакала царица Василиса, узнавъ, что ея сыновья покидаютъ родительскій домъ.

Побѣждала она къ царю.

Стала его просить.

Но царь Назаръ и слушать не хотѣлъ.

Между тѣмъ царевици собирались въ путь-дорогу.

Они надѣли на себя доспѣхи ратные, выбрали себѣ по мечу и луку тугому, наполнили стрѣлами калеными, выбрали въ конюшнѣ царской по доброму коню и подошли къ отцу и матери родительское благословеніе на дорогу получить.

Поплакала еще царица, да и благословила сыновей.

Благословилъ ихъ и царь Назаръ, да и отпустилъ со двора.

Выѣхали трое царевицей за ворота и стали разсуждать другъ съ другомъ.

— Что же мы будемъ всѣ вмѣстѣ ѣздить? — сказали царевицъ Петръ. — Не лучше ли намъ раздѣлиться да каждому своего счастья поискать.

— И то правда,—сказалъ царевичъ Оедоръ.—Врозь лучше будетъ.

И порѣшили они разѣхаться въ разныя стороны.

Поцѣловались братья другъ съ другомъ и поѣхали: Иванъ-царевичъ прямо, Петръ-царевичъ направо, а Оедоръ-царевичъ влѣво.

II.

Бѣдетъ себѣ, бѣдетъ Иванъ-царевичъ и пѣсенки напѣваетъ, да по сторонамъ поглядываетъ.

Любилъ онъ широкій просторъ полей и густую сѣнь лѣсовъ.

А денекъ на счастье свѣтлый да радостный выдался.

Проѣхалъ Иванъ-царевичъ черезъ лугъ, въѣхалъ въ лѣсъ.

Сначала лѣсъ былъ рѣдкій, но чѣмъ дальше ѣхалъ Иванъ-царевичъ, тѣмъ гуще становился лѣсъ.

А къ вечеру и дорога, по которой царевичъ ѣхалъ, вдругъ исчезла.

Задумался Иванъ-царевичъ.

Не возвращаться же назадъ въ родительскій домъ.

Махнулъ онъ рукой да и поѣхалъ, куда глаза глядятъ.

Ночь подъ деревомъ переночевалъ, а съ разсвѣтомъ снова въ путь пустился.

Бѣдетъ Иванъ-царевичъ лѣсомъ дремучимъ, сквозь заросли еле конь пробивается.

Бѣдетъ себѣ да посвистываетъ, ни на что вниманія не обращаетъ.

Вдругъ изъ чащи прямо на него олень выскочилъ.

Стройный такой, красивый, съ вѣтвистыми рогами.

Видно, не замѣтилъ онъ изъ-за деревьевъ Ивана-царевича.

Схватилъ Иванъ-царевичъ свой тугой лукъ, положилъ на него каленую стрѣлу и совсѣмъ уже собрался пустить ее въ оленя, да вдругъ олень человѣческимъ голосомъ заговорилъ:

— Не тронь меня, Иванъ-царевичъ, пригожусь я тебѣ еще со временемъ.

Подивился Иванъ такому чуду.

Посмотрѣлъ онъ на оленя, видитъ—у него золотая коронка между рогами блеститъ.

Понялъ Иванъ-царевичъ, что передъ нимъ оленій царь стоитъ, да и говорить:

— Не трону я тебя, оленій царь. Иди, пасись спокойно. Можетъ быть, и взаправду мнѣ когда-нибудь пригодишься.

Кивнулъ олень Ивану-царевичу головой, прыгнулъ и скрылся въ лѣсу.

А Иванъ-царевичъ дальше поѣхалъ.

Вдругъ видитъ Иванъ-царевичъ, бурый медвѣдь по лѣсу бѣжитъ.

Схватилъ Иванъ-царевичъ лукъ и стрѣлу и ужъ собрался совсѣмъ стрѣлою медвѣдя убить, какъ вдругъ медвѣдь человѣческимъ голосомъ взмолился:

— Не трогай меня, Иванъ-царевичъ. Пригожусь я тебѣ, сослужу когда-нибудь службу вѣрную. Коли будетъ тебѣ опасность грозить, только свистни громко, и тотчасъ я къ тебѣ на помощь приду.

— Ладно, — сказалъ Иванъ-царевичъ. — Бѣги себѣ и гуляй на просторѣ.

Поѣхалъ Иванъ-царевичъ дальше.

Долго ли, коротко ли ѣхалъ онъ, а только пріѣхалъ, наконецъ, на большую поляну.

Разсѣдлалъ онъ коня своего добраго и пустилъ на полянѣ пастись, а самъ на траву сѣлъ и за обѣдъ принялся.

Вдругъ видитъ Иванъ-царевичъ: два ворона на землю опустились.

Мясо-то у Ивана-царевича давно вышло и захотѣлось ему хоть вороньяго мяса поѣсть.

Взялъ онъ въ руки лукъ и хотѣлъ было въ одного изъ вороновъ стрѣлу пустить, да воронъ вдругъ замѣтилъ это и сталъ просить Ивана-царевича человѣческимъ голосомъ:

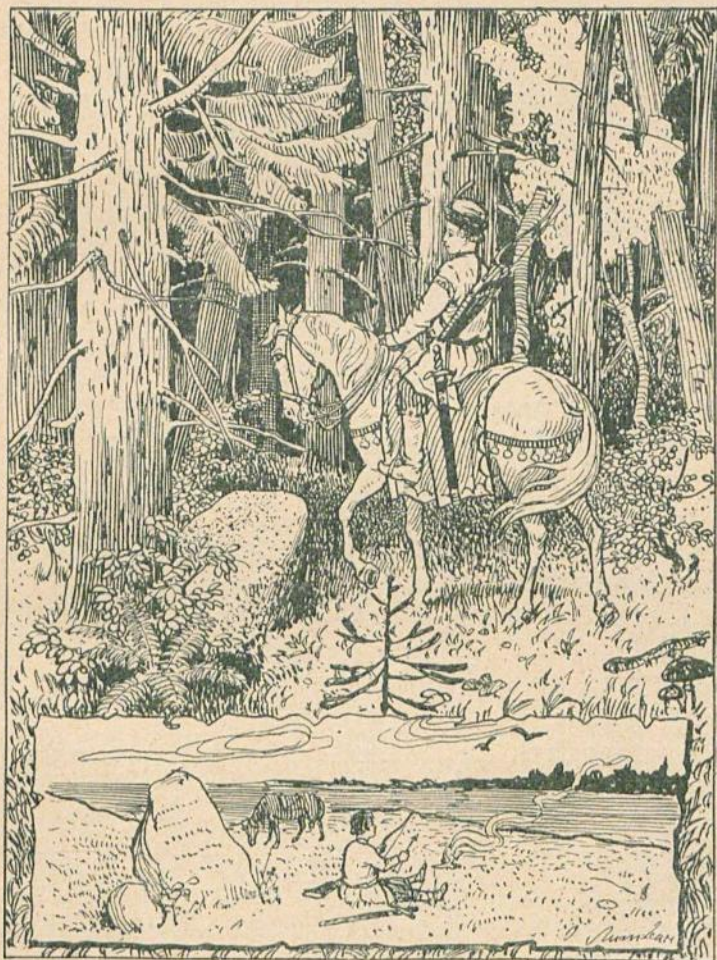
— Не тронь меня, Иванъ-царевичъ. Сослужу я тебѣ за это службу вѣрную.

Послушалъ его Иванъ-царевичъ и сказалъ:

— Ну, что же, летай себѣ на просторѣ, а я и хлѣбцемъ закушу.

Отдохнулъ хорошо Иванъ-царевичъ, засѣдлалъ своего коня да и поѣхалъ дальше.

Ѣхалъ онъ день, Ѣхалъ два, а на третій подъѣхалъ къ чудному дворцу.

Подивился Иванъ-царевичъ: дремучій лѣсъ кругомъ, ни жилья, ни дорогъ, а посреди лѣса дворецъ стоитъ.

Подъѣхалъ Иванъ-царевичъ къ дворцу, видитъ—ворота настежъ открыты.

Слѣзъ Иванъ-царевичъ съ коня, пустилъ его на лугъ пастись, а самъ во дворецъ вошелъ.

Идетъ и диву дается.

Все во дворцѣ прибрано, а души человѣческой не видно.

Стукнулъ Иванъ-царевичъ въ дверь—дверь отворилась.

Вошелъ Иванъ-царевичъ во дворецъ, видитъ—въ залѣ столъ покрытъ и кушанья стоятъ, а кругомъ никого.

Иванъ-царевичъ порядочно-таки проголодался.

Сѣлъ онъ за столъ и давай ѣсть, не долго думая.

И не зналъ Иванъ-царевичъ того, что онъ въ волшебный замокъ злого колдуна Турона попалъ.

Ѣстъ Иванъ-царевичъ, насыщается, не замѣчаетъ, что гроза приближается.

Вдругъ услышалъ Иванъ-царевичъ, какъ зазвенѣли трубы, забили барабаны и литавры.

Не успѣлъ Иванъ-царевичъ со стула вскочить, какъ вдругъ двери распахнулись.

И увидѣлъ Иванъ-царевичъ злого колдуна Турона.

Не вошелъ тотъ колдунъ въ залъ ногами, а влетѣлъ въ него на чудесномъ коврѣ.

Увидалъ злой колдунъ Ивана-царевича, да какъ крикнетъ громовымъ голосомъ:

— Какъ смѣлъ ты войти въ мой домъ, сѣсть за мой столъ?!

Выхватилъ колдунъ свой острый мечъ и отсѣкъ Ивану-царевичу голову.

Потомъ велѣлъ онъ своимъ слугамъ взять тѣло и голову Ивана-царевича и забросить ихъ за тридевять земель.

Подняли слуги убитаго Ивана-царевича, полетѣли съ нимъ за тридевять земель и положили его въ дремучемъ лѣсу, а сами въ свой волшебный дворецъ возвратились.

Да не успѣлъ Иванъ-царевичъ и минуты пролежать, какъ передъ нимъ оленій царь очутился.

Посмотрѣлъ онъ на Ивана-царевича и проговорилъ:

— Ахъ бѣдный, Иванъ-царевичъ, ну развѣ можно быть такимъ неосторожнымъ.

Съ этими словами оленій царь повернулся и какъ стрѣла поскакалъ по лѣсу.

Побѣжалъ оленій царь въ самую чащу лѣса, гдѣ свѣтленькій ручеекъ протекалъ.

Не простая вода въ томъ ручейкѣ была.

Былъ тотъ ручеекъ изъ живой воды.

А вода та обладала чудеснымъ свойствомъ: стоило ею только на мертвое брызнуть, какъ мертвый тотчасъ оживалъ.

Набралъ оленій царь въ ротъ живой воды и помчался обратно къ Ивану-царевичу.

Нагнулся оленій царь надъ мертвымъ царевичемъ и брызнулъ въ него водой.

И тотчасъ же голова Ивана-царевича снова приросла къ туловищу и онъ ожилъ.

Поднялся Иванъ-царевичъ, удивленно оглянулся и провелъ рукой по волосамъ.

— Фу, какой я скверный сонъ видѣлъ, — проговорилъ онъ.

— Не сонъ ты видѣлъ, а это взаправду съ тобою было, — заговорилъ оленій царь. — И если бы мои олени не донесли мнѣ, что ты убитый лежишь въ лѣсу, тебѣ бы никогда не видать свѣта Божьяго.

Вспомнилъ тутъ Иванъ-царевичъ все, что произошло съ нимъ, и сталъ спрашивать оленьяго царя о зломъ колдунѣ Туронѣ.

— Силенъ и могучъ этотъ колдунъ, — отвѣтилъ оленій царь. — Много богатствъ имѣетъ онъ, но больше всего дорожитъ онъ своимъ чудеснымъ ковромъ самолетомъ. Обладаетъ этотъ коверъ чудеснымъ свойствомъ. Стоитъ на него только сѣсть и приказать ему отнести себя куда-нибудь, какъ коверъ самолетъ тотчасъ же доставитъ того человѣка куда нужно. И еще другимъ свойствомъ чудеснымъ обладаетъ коверъ самолетъ. На немъ можетъ умѣститься сколько угодно людей и какія угодно тяжести.

Услышалъ Иванъ-царевичъ этотъ рассказъ и захотѣлось ему ужасно достать коверъ самолетъ.

— А не знаешь ли ты, оленій царь, какъ достать мнѣ этотъ коверъ? — спросилъ онъ.

— Трудно это сдѣлать, — отвѣтилъ оленій царь. — Злой

колдунъ никогда не разстается съ нимъ. Онъ не только летаетъ на немъ, но и сидитъ и спитъ на немъ. А когда онъ ходитъ на землѣ, коверъ самолетъ самъ передвигается подъ его ногами.

И для того, чтобы взять этотъ коверъ, надо убить колдуна, а для того, чтобы убить его, надо имѣть шапку невидимку, чтобы при помощи ея незамѣтно подойти къ нему.

— А что это за шапка невидимка?—спросилъ Иванъ-царевичъ.

— Это чудесная шапка, — отвѣтилъ оленій царь. — Лишь только человѣкъ надѣнетъ ее себѣ на голову, какъ тотчасъ же сдѣлается невидимымъ.

— А не знаешь ли ты, оленій царь, какъ можно достать эту шапочку?—спросилъ Иванъ-царевичъ.

— Трудно достать ее, потому что шапочка эта хранится у старой колдуньи. А живетъ та колдунья на берегу большого озера.

— Какъ же проѣхать къ ней?—снова спросилъ Иванъ-царевичъ.

— Поѣзжай ты все прямо и прямо и въ концѣ-концовъ ты пріѣдешь прямо къ ея жилищу. Погубилъ злой колдунъ твоего добраго коня, да ты не тужи о немъ. Дамъ я тебѣ сейчасъ молодого сильнаго оленя Быстронога, и этотъ олень будетъ скакать быстрѣе твоего коня.

Тутъ оленій царь громко крикнулъ.

Въ ту же секунду изъ лѣсной чащи выскочилъ рослый красивый олень съ чудными вѣтвистыми рогами.

Поблагодарилъ Иванъ-царевичъ оленьяго царя за спасеніе, вскочилъ на Быстронога и помчались они по тому направленію, которое указалъ имъ оленій царь.

III.

Долго скакали они дремучимъ лѣсомъ, но, наконецъ, прискакали къ огромному озеру.

Оглянулся Иванъ-царевичъ и увидѣлъ маленькую хижину, стоявшую на берегу озера.

Соскочилъ онъ съ оленя Быстронога, потрепалъ его по шеѣ.

А колдунья въ это время на печи сидѣла.

Посмотрѣлъ на нее Иванъ-царевичъ и даже вздрогнулъ.

Такая страшная колдунья была, что и описать невозможно.

Горбатая, носъ крючкомъ, глаза злобные, а зубы такъ и щелкають.

Увидала она Ивана-царевича и говоритъ:

— Добро пожаловать, молодчикъ. Давно у меня русскимъ духомъ не пахивало, давно я русскимъ молодцомъ не лакомилась.

— Не думалъ я, что ты такая злобная, — отвѣтилъ Иванъ-царевичъ. — Ъхалъ я къ тебѣ не за тѣмъ, чтобы ты меня такъ принимала. Хотѣлъ я у тебя кое что попросить въ подарочекъ.

— Что же ты хотѣлъ попросить у меня въ подарочекъ? — спросила старуха.

— Да вотъ слышалъ я, тетенька, что у тебя шапка-невидимка есть, — заговорилъ Иванъ-царевичъ. — И хотѣлъ я эту шапку у тебя попросить.

— Добро, — отвѣтила колдунья, — подарю я тебя, добрый молодецъ, шапочку-невидимочку. Только съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ же, тетенька? — спросилъ Иванъ-царевичъ.

— Да уговоръ у меня такой будетъ, — заговорила колдунья. — Задамъ я тебѣ три задачи. И если ты каждую задачу въ одну ночь выполнишь, такъ и быть, подарю тебѣ шапку-невидимку. А если не выполнишь, такъ не прогнѣвайся. Ко мнѣ на жаркое попадешь.

Задумался Иванъ-царевичъ.

И такъ метнулъ умомъ и эдакъ, — все ничего не выходитъ.

Если не взяться задачи рѣшать — все равно колдунья сожретъ. Если взяться и не рѣшать — тоже голова пропадетъ.

Думалъ, думалъ Иванъ-царевичъ, да и рѣшилъ, что двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать.

Посмотрѣлъ онъ на колдунью да и согласился.

Видно, злая колдунья твердо была увѣрена въ томъ, что Иванъ-царевичъ не отгадаетъ ея задачъ.

Приказала она служанкѣ ему баню затопить, а когда Иванъ-царевичъ помылся, велѣла хорошенько его накормить.

Пришелъ вечеръ. Подошла колдунья къ Ивану-царевичу и говоритъ:

— Ну, Иванъ-царевичъ, слушай мою первую задачу. Пришла мнѣ охота медомъ сладкимъ полакомиться. Да больно я ужъ стара сама. Въ лѣсъ съ трудомъ хожу. Вотъ ежели ты мнѣ къ утру тысячу бочекъ меду добудешь, такъ молодцомъ будешь. Вотъ тебѣ и первая задача. Только смотри, если ты хоть на одну бочку меньше добудешь, такъ я съѣмъ тебя. Только смотри, не вздумай удирать, отъ меня никуда не уйдешь.

Сказала это злая колдунья и выпустила Ивана-царевича во дворъ, а сама на печку залѣзла и захрапѣла.

Приунылъ Иванъ-царевичъ.

Вошелъ онъ въ лѣсъ, сѣлъ на пенъ и задумался.

Силить онъ да къ смерти готовится.

Вдругъ видитъ—идетъ тотъ самый медвѣдь, которому онъ когда-то жизнь пощадилъ.

Подошелъ къ нему медвѣдь, сѣлъ противъ него и спрашиваетъ:

— Здравствуй, Иванъ-царевичъ. Что это ты буйную голову повѣсилъ?

Вздохнулъ Иванъ-царевичъ.

— Какъ тутъ не повѣсить, когда утромъ меня смерть лютая ждетъ, — отвѣтилъ онъ медвѣдю. — Приказала мнѣ злая колдунья къ утру тысячу бочекъ меду набрать, а мнѣ и одной не собрать.

— Пожалѣлъ ты меня, помогу и я тебѣ, — заговорилъ медвѣдь. — Не тужи, Иванъ-царевичъ. Ступай домой да ложись себѣ спать на берегу озера. Утро вечера мудренѣе.

Поблагодарилъ Иванъ-царевичъ медвѣдя и пошелъ назадъ.

Легъ на берегу озера, недалеко отъ колдуньиной хижины, и заснулъ себѣ.

А медвѣжій царь тѣмъ временемъ въ лѣсъ помчался и сталъ всѣхъ медвѣдей къ себѣ созывать.

И собралось скоро около него великое множество медвѣдей.

Собралъ ихъ вокругъ себя медвѣжій царь и приказалъ имъ собрать до утра тысячу бочекъ меду.

Разбѣжались по лѣсу медвѣди и стали собирать изъ дупль медъ дикихъ пчель.

Разбѣжались они и по пасѣкамъ, стали таскать сочныя соты и оттуда и сносить ихъ къ хижинѣ, около которой злая колдунья приготовила тысячу бочекъ.

Всю ночь проработали медвѣди, и когда, наконецъ, наступилъ разсвѣтъ, вся тысяча бочекъ наполнилась медомъ.

Проснулся Иванъ-царевичъ, взглянулъ и глазамъ не вѣрить.

А косолапый медвѣдь тутъ же силить и улыбається.

— Ну, Иванъ-царевичъ, иди къ колдуньѣ и скажи, чтобы она пришла посмотрѣть на твою работу. А пока прощай.

Сказалъ это медвѣдь и убѣжалъ въ лѣсъ.

А Иванъ-царевичъ въ хижину вошелъ и къ колдуньѣ подошелъ.

— Ну,—говорить,—тетенька, пожалуйста посмотрѣть на мою работу.

Вышла злая колдунья во дворъ да какъ увидѣла, что вся тысяча бочекъ до краевъ медомъ наполнена, такъ даже зубомъ отъ злости заскрипѣла.

Да только уговоръ дороже денегъ.

— Нечего дѣлать,—сказала колдунья.— Сумѣлъ ты рѣшить первую задачу, можетъ быть, поймась на второй. Теперь слушай мою вторую задачу. Какъ придетъ вечеръ, выходи изъ дому и чтобы къ утру у меня вотъ эти два овина полны хлѣба были. А теперь иди, поѣшь, да сосни.

Поѣлъ Иванъ-царевичъ, поспалъ, а къ вечеру въ поле пошелъ.

Вышелъ въ поле и заплакалъ.

— Гдѣ ужъ тамъ столько ржи накопить да въ овины перетащить, чтобы оба полны были!

Вдругъ видитъ Иванъ-царевичъ черный воронъ къ нему подлетаетъ.

— Карр, карр! Не узналъ, видно, ты меня, Иванъ-царевичъ. Что приадумался такъ?

Разсказалъ ему о своемъ горѣ Иванъ-царевичъ.

Выслушалъ его черный воронъ и говоритъ:

— Не тужи, Иванъ-царевичъ. Пожалѣлъ ты мою жизнь, а теперь и я тебѣ службу сослужу. Иди и спи спокойно. Къ утру все будетъ сдѣлано.

Поблагодарилъ ворона Иванъ-царевичъ и пошелъ домой. Легъ на берегу и заснулъ.

А черный воронъ взлетѣлъ высоко надъ землей и сталъ вороновъ къ себѣ сзывать.

Собралась ихъ туча огромная и принялись вороны за работу.

Стали они колосья рвать да въ овины ихъ складывать.

Вышла изъ дому утромъ колдунья, да только ахнула.

Подошла къ Ивану-царевичу и говоритъ:

— Ну, молодецъ, двѣ задачи ты рѣшилъ. Можетъ быть, на третьей споткнешься. Вотъ придетъ вечеръ, пойди ты въ лѣсъ и набери къ утру столько мху, чтобы имъ оврагъ около моего дома засыпать можно было.

Загрустилъ Иванъ-царевичъ.

Какъ съ такой задачей справиться?

Пошелъ онъ вечеромъ въ лѣсъ, а у самага руки опускаются.

Только вошелъ въ лѣсъ, видитъ — оленій царь къ нему бѣжитъ.

Узналъ оленій царь о горѣ Ивана-царевича да и говоритъ:

— Иди и спи спокойно. Къ утру дѣло будетъ сдѣлано.

Поблагодарилъ его Иванъ-царевичъ, пошелъ назадъ да и заснулъ на берегу оврага.

А оленій царь тѣмъ временемъ несмѣтная стада оленей собралъ и приказалъ имъ мхомъ оврагъ засыпать.

Разбѣжались олени по всѣмъ лѣсамъ и начали мохъ къ оврагу таскать и въ него бросать.

Проснулся на утро Иванъ-царевичъ,—глядитъ, а весь оврагъ мхомъ засыпанъ да еще съ надбавкой.

Вышла изъ хаты злая колдунья да такъ и затряслась отъ злости.

Да только ничего подѣлать не могла. Уговоръ вѣдь сама-то она придумала.

Пошла она въ свою хату, вынесла оттуда шапку-невидимку и отдала ее Ивану-царевичу.

Надѣлъ ее на себя Иванъ-царевичъ и вдругъ сдѣлался невидимкой.

Подкрался онъ сзади къ колдунѣ, вынулъ мечъ да и отрубилъ ей голову, чтобы она больше зла людямъ не дѣлала.

Потомъ снялъ свою волшебную шапочку, сунулъ ее за пазуху, вскочилъ на оленя Быстронога и приказалъ везти себя къ замку колдуна Турона.

IV.

Долго ли, коротко ли скакалъ Иванъ-царевичъ, но въ концѣ-концовъ, доскакалъ и до замка страшнаго колдуна.

Спряталъ онъ въ чашѣ лѣсной своего оленя, одѣлъ шапку-невидимку и пошелъ во дворецъ.

А злой колдунъ въ это время за столомъ съ двумя другими колдунами сидѣлъ, разные вкусныя блюда ѣлъ, меды распивалъ и разговоры вель.

Незамѣтный ни для кого Иванъ-царевичъ вошелъ въ залъ и уже хотѣлъ было вынуть свой мечъ, какъ вдругъ услышалъ разговоръ колдуновъ.

— Нѣтъ на свѣтѣ ничего драгоцѣннѣе моего ковра-самолета,—говоритъ колдунъ Туронъ.

— Ну, не скажи,—отвѣтилъ второй колдунъ.—Моя скатертка-самобраночка тоже не хуже будетъ. Вѣдь стоитъ ее только разстелить и сказать: „Скатертка-самобраночка, дай мнѣ поѣсть и попить,“ какъ тотчасъ же на ней самыя

вкусныя блюда и питья появятся. И столько блюдъ появится, что ими хоть тысячу человекъ накормить можно.

— А все-таки драгоценнѣе всего и краше всего на свѣтѣ царская дочь Мелектриса Прекрасная, которую я въ плѣнъ взялъ и въ заточеніи держу. Нѣтъ краше ея дѣвушки на свѣтѣ. Во лбу у нея звѣзда горитъ, а подъ ко-
сой мѣсяцъ блеститъ.

Только что хотѣлъ было снова заговорить злой колдунъ Туронъ да вдругъ безпокойно носомъ поводить началъ:

— Фу, фу, откуда это русскимъ духомъ пахнетъ, — заговорилъ онъ, озираясь во всѣ стороны.

А Иванъ-царевичъ въ это время незамѣтно къ нему сзади подошелъ да какъ хватить его своимъ мечомъ по головѣ. На смерть убилъ колдуна, пикнуть не далъ ему.

Хотѣлъ было онъ тутъ же и съ двумя другими колдунами покончить да они, какъ только увидали Турона съ разрубленной головой, мигомъ сообразили, что тутъ что-то неладно, и такъ быстро выбѣжали изъ залы, что Иванъ-царевичъ такъ и не догналъ ихъ.

Сбросилъ Иванъ-царевичъ мертваго колдуна съ ковра, взялъ его подмышку и пошелъ по волшебному дворцу, собирать несмѣтныя богатства колдуна.

Много золота, серебра и драгоценныхъ камней нашелъ онъ во дворцѣ.

Собравъ всѣ эти сокровища, онъ сложилъ ихъ на коверъ-самолетъ, сѣлъ на него самъ и произнесъ:

— Неси меня, коверъ-самолетъ, къ тому колдуну, у котораго находится скатертка-самобраночка.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ коверъ-самолетъ взвился вмѣстѣ съ нимъ и всѣми драгоценностями на воздухъ и понесся къ жилищу второго колдуна.

Еле-еле успѣлъ Иванъ-царевичъ проститься съ оленемъ Быстроногомъ и крикнуть, чтобы онъ шелъ себѣ на свободу.

Словно вихрь летѣлъ коверъ-самолетъ.

Но такъ какъ на Иванъ-царевичѣ была надѣта шапка-невидимка, то никто не могъ видѣть ни его, ни ковра-самолета.

И пяти минутъ не прошло, какъ коверъ-самолетъ къ

замку второго колдуна прилетѣлъ и прямо въ ту комнату влетѣлъ, въ которой колдунъ сидѣлъ.

Видно, не дообѣдалъ онъ у своего пріятеля.

У себя дома онъ чувствовалъ себя въ полной безопасности.

Вынулъ онъ изъ-за пазухи скатертку-самобраночку, разстелилъ ее на серебряномъ столѣ и только что успѣлъ произнести магическія слова, какъ тотчасъ же вся скатерть покрылась золотыми тарелками, ендовами и ковшами, съ самыми вкусными блюдами, медами и винами.

А Иванъ-царевичъ тутъ какъ тутъ.

Выхватилъ онъ изъ ноженъ свой острый мечъ, подскочилъ къ колдуну и однимъ взмахомъ отсѣкъ ему голову.

Потомъ сбросилъ со стула мертвое тѣло, а самъ сѣлъ за столъ и сталъ съ удовольствіемъ утолять свой голодъ.

И лишь только онъ сѣдалъ одно блюдо, какъ тотчасъ же на чудесной скатерткѣ появлялось новое.

Накушавшись вволю, Иванъ-царевичъ сказалъ:

— Скатертка, уберись.

И тотчасъ же всѣ блюда и сосуды исчезли со стола, а чудесная скатерть сама собою сложилась и перелетѣла на руки Ивану-царевичу.

Спряталъ ее за пазуху Иванъ-царевичъ и сталъ расхаживать по дворцу да собирать колдуновы богатства.

Много золота, серебра и драгоценныхъ камней, много чудныхъ вазъ и издѣлій изъ слоновой кости, много прекрасныхъ и рѣдкихъ индѣйскихъ ковровъ и золотыхъ тканей нашель онъ тутъ.

Все это онъ сложилъ на свой чудесный коверъ-самолетъ, сѣлъ на него самъ и приказалъ везти себя къ замку, въ которомъ томила въ заключеніи Мелектриса Прекрасная.

V.

Горькими слезами заливалась Мелектриса Прекрасная, томясь въ неволѣ у свирѣпаго колдуна, который похитилъ ее изъ родительскаго дома.

Грустная сидѣла она у окна за желѣзной рѣшеткой, вспоминая прежніе красные денечки.

Ей не позволялось даже выходить изъ ея терема и выйти изъ него было невозможно, такъ какъ колдунъ никогда не разставался съ тѣмъ ключемъ, которымъ всегда отпиралась ея дверь и всегда носилъ его за поясомъ.

Не чаяла и не гадала прекрасная царевна, что кто-нибудь сможетъ ее выручить изъ тяжелой неволи.

Горько плакала царевна.

А тѣмъ временемъ Иванъ-царевичъ быстро несся къ замку колдуна на своемъ волшебномъ коврѣ-самолетѣ.

Только что проснулся колдунъ отъ послѣобѣденнаго сна, когда Иванъ-царевичъ невидимкой влетѣлъ въ его замокъ.

Хотѣлъ было Иванъ-царевичъ тутъ же его убить да остановился во время.

Вспомнилъ онъ, что надо сначала узнать, гдѣ томится Мелектриса Прекрасная и какъ добраться до нея.

Притаился онъ и сталъ выжидать.

Сидѣлъ, сидѣлъ колдунъ и захотѣлось ему свою плѣнную красавицу посмотреть.

Снялъ онъ съ пояса ключи золотые и пошелъ къ терему. А Иванъ-царевичъ невидимкой слѣдомъ за нимъ пошелъ.

Выждалъ онъ, пока колдунъ самъ двери откроетъ.

А лишь только открылась дверь, какъ Иванъ-царевичъ къ нему сзади подскочилъ да какъ хватить его наотмашъ мечомъ, такъ у колдуна сразу голова съ плечъ и покатила.

Снялъ онъ тутъ съ головы шапочку-невидимочку, подошелъ къ царевнѣ прекрасной, взялъ ее за бѣлыя руки.

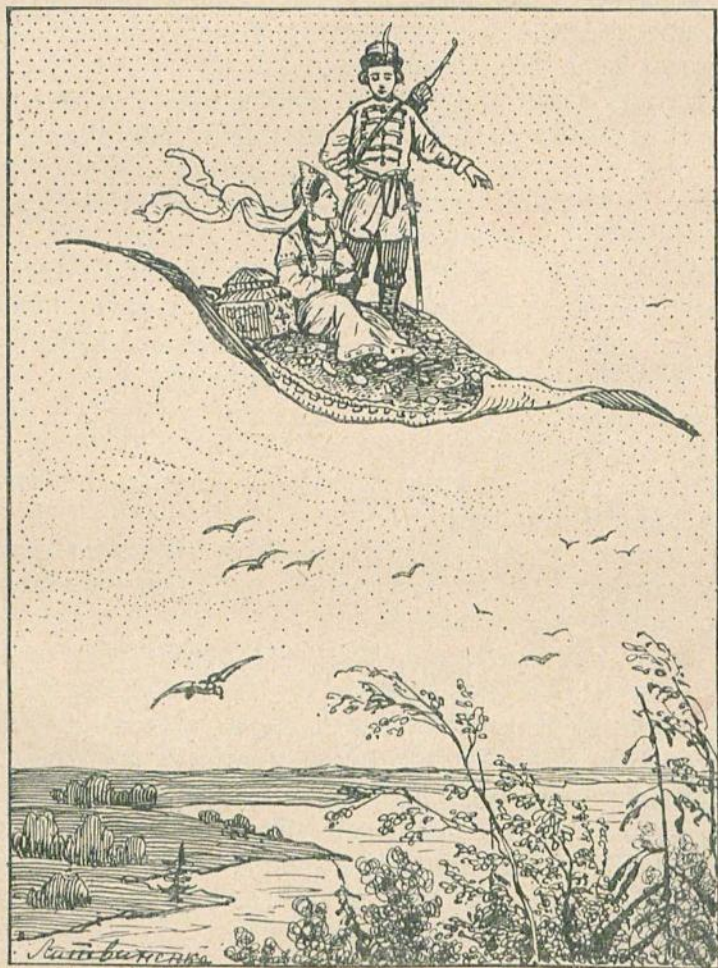
Сталъ онъ ей рассказывать, какъ онъ спасъ ее и какъ узналъ о ней.

Какъ увидѣла Мелектриса Прекрасная Ивана-царевича, такъ сразу его и полюбила.

А какъ узнала о своемъ освобожденіи, такъ заплакала отъ радости и стала отъ души благодарить Ивана-царевича за свое освобожденіе.

А Иванъ-царевичъ и говорить:

— Повезу я теперь тебя, Мелектриса Прекрасная, къ твоему родному батюшкѣ и къ твоей родной матушкѣ. Испросимъ мы у нихъ родительскаго благословенія, а тамъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку.

Вывелъ Иванъ-царевичъ Мелектрису Прекрасную изъ ея темницы, посадилъ ее на коверъ-самолетъ и сначала потчевать сталъ.

Вынулъ онъ скатертку-самобраночку, разстелилъ ее на золотомъ столикѣ и накрыться ей приказалъ.

Вмигъ на столѣ разныя блюда и сласти появились и царевна съ царевичемъ за обѣдъ принялись.

А послѣ обѣда Иванъ-царевичъ скатерткѣ-самобраночкѣ убраться приказалъ и, усадивъ Мелектрису Прекрасную въ кресло пуховое, приказалъ ковру-самолету нестись въ царство отца Мелектрисина.

Всѣ глаза выплакали отецъ и мать прекрасной царевны, пока ихъ дочь томилась въ заточеніи. Не думали и не гадали они, что увидать ее когда-нибудь.

Чуть съ ума не сошли они отъ радости, когда привезъ къ нимъ ее Иванъ-царевичъ.

Долго плакали они и царевна, а потомъ Мелектриса Прекрасная принялась имъ рассказывать о томъ, какъ похитилъ ее злой колдунъ, о томъ, какъ томилась она въ заточеніи и какъ спасъ ее Иванъ-царевичъ.

А Иванъ-царевичъ сталъ просить у царя и царицы руки ихъ дочери.

Съ радостью согласились царь и царица отдать свою дочь за такого молодца.

Разстелилъ тутъ на радости Иванъ-царевичъ скатертку-самобраночку, да задалъ такой пиръ, какого въ этомъ царствѣ еще и не видывали.

А царь, царица и весь народъ только диву давались, глядя на чудо чудесное, на скатертку-самобранную.

Послѣ пира Иванъ-царевичъ снова въ дорогу собрался.

Уговорилъ онъ и царя съ царицей на свадебномъ пиру побывать и у своего отца, царя Назара погостить.

Спряталъ онъ свою скатертку-самобраночку, усадилъ на коверъ-самолетъ свою невѣсту прекрасную и ея родителей и приказалъ ковру-самолету летѣть во дворецъ своего отца.

VI.

Уже давнымъ давно вернулись домой старшіе братья Ивана-царевича,—царевичи Петръ и Ѳедоръ.

Многю путешествовали они по свѣту бѣлому, много поучились уму-разуму, многое повидали и услышали они.

Долго ждалъ царь Назаръ, его жена и старшіе сыновья Ивана-царевича да такъ въ концѣ и порѣшили, что Иванъ-царевичъ погибъ.

Гулялъ разъ царь Назаръ по саду, вдругъ видитъ— что-то по небу летитъ.

Такъ и ахнулъ царь Назаръ, когда увидалъ, что по поднебесью самъ собою коверъ летитъ, а на коврѣ томъ какіе-то люди сидятъ.

Но еще больше удивился онъ, когда коверъ-самолетъ вдругъ къ его ногамъ спустился, а съ него самъ Иванъ-царевичъ сошелъ.

Закричалъ царь Назаръ отъ радости.

На тотъ крикъ сбѣжались и парица Василиса со старшими царевичами и всѣ придворные.

Долго всѣ не могли понять, что за чудо чудное у нихъ на глазахъ совершилось.

Стали всѣ обнимать Ивана-царевича, а онъ имъ сталъ рассказывать про все, что съ нимъ случилось.

А Мелектриса стоитъ тутъ же, прекрасная, какъ райскій цвѣтъ.

Какъ глянули на нее царь Назаръ, его жена и старшіе царевичи, такъ въ восторгъ пришли.

А Иванъ-царевичъ ее за бѣлую руку взялъ, къ отцу и къ матери подвелъ, на колѣни передъ ними опустился и благословенія просить сталъ.

Съ радостью благословили царь Назаръ и парица Василиса Ивана-царевича и Мелектрису Прекрасную.

Потомъ царь приказалъ слугамъ поставить на площади столы дубовые и сзывать всѣхъ горожанъ на почетный пиръ.

Разстелилъ Иванъ-царевичъ скатертку-самобраночку и попросилъ ее накрыться.

Стали слуги со скатертки на столы дубовые и на царскій столъ кушанья и напитки переносить.

Но лишь только съ чудесной скатертки уносили одно блюдо, какъ на ней тотчасъ же появлялось другое.

До тѣхъ поръ таскали слуги разныя блюда съ чудес-

ной скатертки, пока не устави́ли ими всѣ столы на площади и весь царскій столъ.

И пошелъ тутъ такой пиръ и такое веселье, какого никто и запомнить не могъ.

Послѣ пира свадьбу пышную справили.

Справили свадьбу да и зажили всѣ вмѣстѣ.

Мелектрисинъ отецъ свое царство съ царствомъ царя Назара соединилъ и старики стали править общимъ царствомъ сообща, а молодежь стала жить да поживать да добра наживать.

